

К. А. Маслинский
(ИРЛИ РАН)

Директор в советской детской литературе (корпусный комментарий к повести Германа Матвеева «Новый директор»)

Повесть Германа Матвеева «Новый директор», вышедшую в 1961 году в Лениздате с подзаголовком «Повесть о школе», советские библиографы относили к разряду детской литературы.¹ Для этого решения у них были прочные основания: автор и раньше писал для детей и юношества; в книге действует тот же герой, что и в его школьной повести «Семнадцатилетние», — Константин Семенович Горюнов; предмет описания — жизнь подростков-школьников, их учителей и родителей; в произведении имеется детективный сюжет о разоблачении подростковой воровской шайки.

Если взглянуть на книгу вне рамок детской литературы, то совершенно очевидна ее программная педагогическая задача: представить и даже пропагандировать позицию автора об истинно коммунистическом воспитании,² обличить все неверное в советской школе и построить образ школы будущего, действительно основанной на трудовых

¹ В указателе «Детская литература» книга указана с адресацией «для среднего и старшего возраста». См.: *Старцев И. И.* Детская литература: библиография. 1961—1963. М., 1966. С. 122.

² Книга пестрит упоминаниями Макаренко, и значительная часть ее объема отдана разговорам о воспитании, которые ведут взрослые персонажи.

началах. Именно этому посвящена главная сюжетная линия книги — приход бывшего учителя (Горюнова, классного руководителя из повести «Семнадцатилетние»), успевшего поработать с подростками в детской комнате милиции, на должность директора школы. Действие отнесено к 1955 году, и директор приходит как реформатор, воплощая оттепельный общественный запрос на «революцию сверху». Примечательная деталь, характеризующая советские представления о социальных лифтах и теплые мечты о доступе честных людей к позициям во власти, — Горюнов становится директором благодаря дружеским связям с заведующим РОНО.

Повесть Матвеева по существу своему — очень теплый феномен. В ней автор, который, очевидно, во многом идентифицирует себя с главным героем, примеряет на себя властную позицию директора школы, организующего школьную утопию. Среди педагогических утопий своего времени³ идеальная школа, которую строил новый директор Матвеева, осталась утопией литературной и не реализованной. Несмотря на то что Матвеев очень чутко отражает проводившуюся лично Хрущевым в образовательной реформе 1958 года политическую линию,⁴ его энтузиазм очень быстро начинает выглядеть анахронизмом. Книга вышла в 1961 году, фактически на излете Оттепели, и, в отличие от повести «Семнадцатилетние», продолжением которой она является, более не переиздавалась, оставшись в литературном «архиве» своего времени.

Современные взрослые читатели, которым книга иногда попадает в руки, видят в ней два четко разделенных пласта: приключенчески-бытовой для подростков и педагогический — для учителей, выстроенный как набор

³ См. о других педагогических проектах эпохи, в разных отношениях утопических: *Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е): Коллективная монография / Под ред. П. Сафронова, М. Майофис, И. Кукулина. М., 2015.*

⁴ *Иванова Г. М. Советская школа в 1950—1960-е годы. М., 2018. С. 235—256.*

примеров и руководство к действию.⁵ Если взглянуть из исторической перспективы, то имевшее при создании явную двойную адресацию произведение (и даже произведение в первую очередь детское), по прошествии времени сохранило какой-то интерес лишь для взрослой аудитории. Но была ли эта книга действительно детской и в момент создания? При том что двойная адресация вообще характерна для детской литературы XX века,⁶ не вышел ли Матвеев за границы жанра, нагрузив текст слишком большой долей внимания к взрослым вопросам?

В повести есть очень заметная с точки зрения детской литературы аномалия — главным героем выступает не подросток, а взрослый, причем директор школы, его позиция в произведении для убедительности даже вынесена автором в заглавие. Оценивать, насколько естественно, что директор оказался основным протагонистом текста, номинально адресованного детям, следует на фоне традиции изображения такого рода персонажей в произведениях для детей. Именно такая оценка — предмет настоящего комментария к образу директора в повести Матвеева.

Директор в заглавии

Для советской литературы упоминать слово «директор» непосредственно в заглавии произведения для детей — случай не слишком распространенный, но в то же время и не уникальный. В серии библиографических указателей «Детская литература», охватывающих

⁵ См. например отзывы на сайте LiveLib: Книжный портал с персональными рекомендациями и личными коллекциями // <https://www.livelib.ru/book/1000469441-novyj-direktor-german-matveev>; дата обращения: 31.10.2020. Несколько комментаторов отмечают наивность одних и актуальность других педагогических идей, заявленных в книге.

⁶ См. *Лурье М. А.* Товарищ Папава и великан Блюминг: к вопросу о «взрослом тексте» детской литературы («Сказки среди беда дня» В. Витковича и Г. Ягдфельда) // *Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства.* М., 2003. С. 329–347.

книгоиздание для детей с 1918 по 1984 год, обнаруживается всего несколько произведений, в названии которых фигурирует директор. Это чаще всего небольшие рассказы, печатавшиеся в сборниках начала 1960-х: «Директор» Израиля Меттера, «Директор столовой» Евгения Фрейберга, «Крокодил (рассказ бывшего директора)» Анатолия Маркуши, «Ося с Валеркой, вахтер Скороходов и директор завода» Михаила Суетнова, «Директор стадиона» Александры Дупленко.⁷ Несколько позже рассказы о директорах появляются в сборниках переводов с национальных языков СССР: марийского, эстонского, туркменского.⁸ Имеются даже детские стихотворения о директорах: «Директор городка» Людмилы Зубковой (для младшего возраста) и «Дядя Ваня — директор» И. Пиняева.⁹ Из более крупных произведений, сравнимых по объему с повестью Матвеева, директор обозначен в заглавии лишь двух книг: «Директор „зеленой“ школы» (о юных партизанах) белорусского писателя Юрия Богушевича и «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Галины Николаевой.¹⁰ Это последнее произведение наиболее близко к повести Матвеева по сюжетной модели и по роли директора в системе персонажей. Только если в «Новом директоре» носителем утопии и активным реформатором школы был сам директор, он же главный герой — Константин Семенович, то в повести Николаевой

⁷ *Меттер И.* Сердитый бригадир. Рассказы. Л., 1960; *Фрейберг Е.* Белоносик (Рассказы). Л., 1959; *Маркуша А.* Дороге нет конца. Рассказы. М., 1963; *Суетнов М.* Красное лето Оси Овсянникова. Рассказы о мальчишках. Горький, 1962; *Дупленко А.* Витька из нашего класса (Рассказы). Челябинск, 1966.

⁸ *Атаев А.* По коням, джигиты! Рассказы. Ашхабад, 1971; *Данилов Б.* Директор птичьей столовой. Рассказы. Пер. с марийск. Йошкар-Ола, 1964; Самые лучшие ребята: Стихи, рассказы и сказки эст. писателей. Таллин, 1977.

⁹ *Зубкова Л.* Про обезьян (Стихи). М., 1959; Зарницы. Литературно-художественный сборник. Саранск, 1974.

¹⁰ *Богушевич Ю.* Юность пришла: Повести. Минск, 1977; *Николаева Г.* Повесть о директоре МТС и главном агрономе. М., 1956.

протагонистом и инициатором производственных преобразований выступает юная девушка-агроном, а директор МТС играет роль ведомого, успешно перевоспитавшегося к финалу произведения. В целом можно отметить, что момент, когда фигуры разного рода директоров продвигаются в детской литературе до уровня заглавий произведений, был относительно непродолжительным. Всплеск таких публикаций приходится на конец 1950-х — начало 1960-х годов, и повесть Матвеева 1961 года выглядит частью этого всплеска и даже находится на его пике по авторскому вниманию (объему текста, роли в сюжете) и сочувствию, уделенному фигуре директора.

Упоминания директора в текстах

Директор в роли персонажа детской литературы, пусть не главного, а сколь угодно второстепенного, кажется не таким уж редким явлением. Данные Корпуса русской прозы для детей и юношества XX—XXI веков (ДетКорпус)¹¹ позволяют оценить это впечатление количественно. Оказывается, что в каждом втором из включенных в корпус произведений имеется хотя бы одно упоминание какого-нибудь директора. За советский период таких произведений 53 % (413 из 790), а в постсоветский период доля произведений с упоминанием директоров даже выше — 59 % (528 из 969). Если исключить из рассмотрения жанровую прозу (детективы, ужастики, сказки, фантастику и фэнтези) и ограничиться рамками реалистического письма, то доля произведений с директорами будет еще выше: 58 % в советский период и 68 % — в постсоветский.

При том что в постсоветскую эпоху стало больше произведений, в которых директора попадают на пути разнообразных детских нарративов, авторское внимание к этой должности, наоборот, было выше в советскую эпоху. Слово «директор» в текстах для детей советского

¹¹ Веб-ресурс: ДетКорпус: <http://detcorpus.ru>.

периода в среднем встречается чаще, чем в постсоветских.¹² Более того, отчетливо прослеживается тенденция, что в более длинных произведениях советского времени директор упоминается чаще, чем в сравнимых по объему постсоветских.¹³ Поскольку в длинных произведениях обычно больше персонажей, это означает, что в среднем в советскую эпоху директора занимают более заметное место в системе персонажей.

Конечно, учитывать только упоминание слова «директор» — это не то же самое, что посчитать все появления в тексте персонажей-директоров. Хотя некоторые писатели маркируют своих персонажей директорским статусом при каждом упоминании (ср. «директор Некрасов» и «директор Губернаторов» в «Недопёске» Коваля), гораздо чаще играющий сколь-нибудь заметную роль в сюжете директор будет назван по имени и отчеству. В повести «Новый директор» обращение к главному герою по имени и отчеству — Константин Семенович — встречается исключительно часто, всего 967 раз, или в среднем 8,4 раза на тысячу слов текста.¹⁴

И все же даже банальная частотность слова «директор» — это хороший индикатор авторского внимания

¹² В советской части корпуса слово «директор» встречается в среднем 177 раз на миллион (95% доверительный интервал: 168—187), в постсоветской — только 124 раза на миллион (95% доверительный интервал: 117—131).

¹³ В среднем в более длинных текстах относительная частотность слова директор выше, но в текстах советского периода частотность директоров возрастает с длиной текстов быстрее, чем в постсоветских. Различие не очень велико, однако не случайно: регрессионная модель, включающая только длину текстов, объясняет 6,5% дисперсии в данных, модель, включающая еще и индикатор периода (советский/постсоветский), объясняет уже 8,5% дисперсии.

¹⁴ Это максимальное значение относительной частотности названия героя по имени и отчеству в группе текстов длиной более 100 тыс. слов в ДетКорпусе. Для сравнения: следующими по относительной частотности в списке (4,1 раза на тыс. слов — в два раза реже) идут тот же самый Константин Семенович в повести «Семнадцатилетние» и сухая и строгая учительница Анна Сергеевна из повести Елены Ильиной «Это моя школа».

к позиции директора как статусной роли. И по этому показателю «Новый директор» Матвеева снова оказывается среди лидеров. В повести слово «директор» употребляется 348 раз, это абсолютный максимум по всему корпусу. Даже если сделать скидку на длину повести, текст Матвеева входит в пятерку самых насыщенных директорами произведений в корпусе.¹⁵ В этом отношении «Новый директор» стоит в одном ряду с третьей книгой повести Осеевой «Васёк Трубачев и его товарищи» (1951), и повестями Юрия Сотника «На школьном дворе» (вышла в 1986-м, однако действие происходит в 1950-е), Владимира Пистоленко «Товарищи» (1953) и Анатолия Рыбакова «Приключения Кроша» (1960), где действуют директора школ и ремесленного училища (у Пистоленко), а также директор автомастерской, где работают герои (у Рыбакова). Ни в одном из этих произведений директор, впрочем, не является главным героем, но всюду директора — это центральные персонажи, которые направляют сюжет (инициируют реконструкцию школы после войны, как у Осеевой, или собственную женитьбу, как у Сотника), и разрешают конфликты.

Как и в случае с директорами в заглавиях, произведения с максимально выраженным вниманием к директорам в тексте группируются примерно в том же периоде — с начала 1950-х до начала 1960-х.

Возглавляемые предприятия

Фабула произведений детской литературы так или иначе отражает ожидания писателей и читателей относительно типичного детского опыта. Поэтому и набор

¹⁵ «Насыщенность» произведения упоминаниями директора оценивалась по величине регрессионного остатка в модели, предсказывающей логарифм числа упоминаний по логарифму длины текста и по индикатору периода (советский/постсоветский). Упомянутый в тексте 1% насыщенных директорами произведений — это все произведения советского периода, попавшие в 99 процентиль по распределению величины регрессионных остатков.

директоров в детской литературе, точнее характер руководимых ими предприятий, будет отражать определенный детский фокус. С помощью корпуса этот фокус можно проследить в текстах советского периода довольно отчетливо, отобрав все примеры из корпуса, где при слове «директор» названо и предприятие (*директор школы, клуба, цирка* и т. п.). Распределение примеров по типам предприятий (отраслям народного хозяйства) приведено в таблице 1).

Таблица 1

Упоминания директоров предприятий
в текстах ДетКорпуса советского периода

Тип учреждения	Количество	%
учебные заведения	559	49,6
производство	187	16,6
культура	144	12,8
сельское хозяйство	99	8,8
наука	34	3,0
транспорт	34	3,0
сервис	23	2,0
финансы	17	1,5
торговля	15	1,3
спорт	9	0,8
медицина	4	0,4
связь	1	0,1

Вполне естественным образом обнаруживается, что почти половина всех названных директоров предприятий — директора учебных заведений. В этом отношении главный герой «Нового директора» как нельзя более типичен для детской литературы. Можно даже сказать, что директор школы — это прототипический директор для

детской литературы. Впрочем, директорский ландшафт более разнообразен: еще четверть случаев приходится на директоров сельскохозяйственных и производственных предприятий, обязательных для соцреалистических рамок письма. Наконец, по-видимому, характерной чертой для детской литературы будет немалое место, отведенное директорам учреждений культуры, прежде всего зрелищных. Самые частотные в этом классе — директора музеев, цирка, театра. Можно было бы ожидать, что другие зоны детских занятий и интересов тоже должны быть обеспечены директорскими местами в сюжетах произведений, но это не всегда так: например, директора транспортных предприятий относительно часто упоминаются, а спортивных — почти отсутствуют. Остальные сферы, более релевантные в глазах литературной традиции для взрослой жизни (сервис, финансы, торговля, медицина), набирают в сумме немногим более пяти процентов случаев.

Примечательно, что не такое уж малое место в директорском ландшафте советской литературы для юношества было отведено учреждениям науки и высшего образования (34 упоминания). Весьма благосклонно изображенный профессор, директор медицинского института, появляется на страницах повести Вениамина Каверина «Юность Тани» (1956), директора различных институтов упоминаются в произведениях И. Дика, М. Коршунова, И. Пивоваровой, В. Крапивина, Г. Тушкана и других.

Директорские эпитеты

Стереотипные черты образа директора как персонажа детской литературы с помощью корпуса можно проследить по эпитетам, которые появляются в ближайшем контексте к слову «директор».¹⁶ Такие эпитеты встречаются

¹⁶ Для получения списка эпитетов был построен поисковый запрос по ДетКорпусу, включающий все прилагательные, стоящие непосредственно перед словом «директор».

не слишком часто (всего 323 случая в советской части корпуса), но они выражают наиболее стереотипизированные черты функциональной роли директора, отлитые в номинативной формуле.

Если сгруппировать все директорские эпитеты в большие смысловые классы, обнаруживается, что половину всех случаев употребления эпитетов (146 раз) можно отнести к классу фазовых, описывающих приход и уход директоров с должности (*прошлый, бывший, временный, нынешний, новый* директор и т. п.). Три четверти из этих случаев (108) приходятся на сочетание *новый директор*, и большая часть из них, как и можно было ожидать, — в повести Матвеева (61 случай). Что интересно, этот эпитет продолжает употребляться на протяжении всего текста повести. Если разбить весь текст на 10 равных по объему фрагментов, то обнаруживается, что в первой половине произведения есть два момента, соотносенных с активными знакомствами Константина Семеновича с учителями и учениками его школы, когда частотность этого эпитета повышена (по 14—18 случаев, в среднем — 6). Однако нет ни одного фрагмента, где этот эпитет не употреблялся бы совсем, он остается актуальным до самых последних страниц повести, а директор остается статичным в своей «новизне». Выходит, что «новый директор» — это не только вынесенное в заглавие указание на главного героя повести, но также устойчивый и частотный способ номинации этого персонажа в тексте, снова и снова подчеркивающий его сюжетную и социальную роль — директора-реформатора, этакое административного предпринимателя.¹⁷

¹⁷ Применить этот термин к «прожекторам» петровского времени, представлявшим царю проекты в области образования, предложил Игорь Федюкин, подчеркивая необходимость обращать внимание в истории образования на инициативу реформ снизу, в том числе связанную с индивидуальными акторами. См. *Федюкин И.* Введение // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 8—11.

Эпитеты, описывающие портретные черты и черты характера директора, в корпусе встречаются на порядок реже (по 25—28 случаев), еще реже — оценочные эпитеты и эпитеты, указывающие на возраст или эмоцию директора (5—16 случаев). Тем не менее по этим отдельным упоминаниям можно составить представление о поле возможных характерологических и портретных черт директоров в советской детской литературе и даже сделать некоторые наблюдения о постепенном изменении этого поля со временем.

Среди всех эпитетов только один прямо указывает на возраст — *молодой директор*. Молодые директора приходят в сюжеты советских произведений для детей ненадолго, и период «молодости» директора приходится на уже неоднократно отмеченный выше период директорского расцвета в детской литературе. Словосочетание «молодой директор» фигурирует в трех произведениях в советской части корпуса: «Далеко от Москвы» Василия Ажаева (1949), «Бронзовая птица» Анатолия Рыбакова (1956) и «Сердитый бригадир» Израиля Меттера (1960). После этого молодые директора надолго исчезают и вернуться в детскую литературу лишь в 2000-е годы. Напротив, старым директор может оказаться в любую эпоху, «старый директор» упоминается в корпусе во все периоды с примерно равной частотой.

Новый директор Матвеева, однако, не молод, и в этом автор повести держится скорее на стороне традиционного образа директора, а не на передовом крае административных новаций позднесталинского и хрущевского периода. Портретное описание главного героя, данное в начале повести, аккумулирует несколько сигналов, указывающих на силу и опыт: высокий рост, открытый лоб, седые волосы, прямой взгляд, невозмутимость...

Насколько типичен такой портрет директора, если посмотреть на него в корпусном разрезе? Директора в произведениях для детей — часто эпизодические или второстепенные персонажи, и далеко не всегда им даются

портретные описания, нечасто встречаются и портретные эпитеты. Тем не менее по набору внешних черт Константин Семенович оказывается в компании нескольких персонажей начала 1960-х: длинного директора в повести «На старой мельнице» Вильяма Козлова (1961) и худощавого директора в повести «За березовыми книгами» Сергея Голицына (1963). Но если судить по эпитетам, астеническое сложение директоров этой когорты — скорее исключение, и гораздо больше директоров, описанных эпитетами *пухлый* (1949), *толстый* (1962, 1983), *тучный* (1979), *полный* (1980), *кругленький* (1982). В целом прослеживается тенденция, что чем позднее написан текст, тем выше вероятность встретить в нем полного директора. Высокий рост и худоба Константина Семеновича опять выглядят характерным признаком директорского облика хрущевской эпохи.

Наконец, принципиально важной и в целом сюжетообразующей чертой главного героя повести Матвеева является его глубокая и бескомпромиссная положительность. Обращение к оценочным эпитетам к слову «директор» в корпусе позволяет оценить, насколько типичным было такое авторское отношение к герою-директору. В распределении оценок (см. рис. 1) проступает отчетливый хронологический градиент от 1930-х к 1980-м: чем позже написан текст, тем чаще встречаются негативные эпитеты. От безусловно одобряющих эпитетов авторы советской детской литературы постепенно сместились к критическим только в конце 1970-х годов, а в 1980-е возникают даже эпитеты, выражающие жалость к персонажу-директору. Делается это, правда, очень осторожно и только в рамках сказочного жанра: бедным был директор гостиницы, когда сказочный волшебник Карколом превратил его в лилипута (Георгий Почепцов «Страна городов», 1983), а несчастным назван директор обсерватории, подставленный и невинно посаженный в тюрьму императором Тыквогонии (Владислав Крапивин «Мальчик девочку искал», 1989).

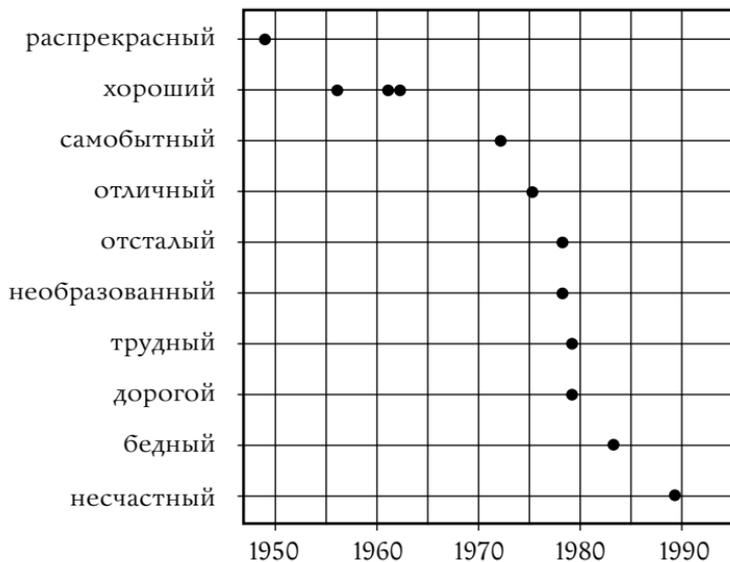

Рис. 1. Распределение упоминаний в ДетКорпусе оценочных эпитетов к слову директор по году первого издания произведений

Впрочем, если взглянуть на эпитеты, описывающие характер директора, это движение от положительного к отрицательному выглядит не совсем линейно. Еще в начале периода Кассиль маркирует отрицательного персонажа — директора гимназии — эпитетом *либеральный*. В позднесталинский период, в конце 1940-х — начале 1950-х, директор бывает умный, остроумный, боевой и строгий — все эпитеты вполне укладываются в канон положительного соцреалистического руководителя; в начале 1960-х, на излете Оттепели, он вдруг может назваться добрым и доверчивым (Георгий Тушкан «Друзья и враги Анатолия Русакова», 1963). А в конце 1970-х — начале 1980-х эпитеты как будто распадаются на три группы: с одной стороны, директор бывает *упорный*, *крутой*, *властный*, как бы наследующий соцреалистической модели

сильного руководителя, правда, утративший остроумие и военный задор. С другой стороны, и хрущевская Оттепель не проходит бесследно, и директор может уже быть назван *интеллигентным, заботливым, тихим и вежливым*, и наконец, директор бывает и *хитрым* и — в условиях гласности в преддверии распада СССР — даже *вороватым* (Анатолий Приставкин «Ночевала тучка золотая», 1989).

Таким образом, Константин Семенович, герой «Нового директора» — по портретным чертам, характеру и оценке занимает вполне логичное место на исторической шкале директорских качеств: он еще по-сталински очень положительный и умный, но уже достаточно по-оттепельному интеллигентный, хотя в нем еще и не просматривается никаких признаков мягкости и слабости.

* * *

Возвращаясь к заявленному в начале комментария вопросу о том, не вышел ли Матвеев за жанровые границы детской литературы, поставив фигуру директора школы в центр произведения для детей, можно дать ответ, подкрепленный анализом изображения директоров в корпусе советской детской литературы. В целом директор, и особенно директор школы, — вполне традиционный для детской литературы персонаж, более того, в 1950—1960-е изображать директоров в детской литературе было вообще более приемлемым и распространенным по сравнению с последующим периодом. Однако в том, насколько много внимания уделено фигуре директора, повесть «Новый директор» выбивается из ряда произведений рубежа 1950—1960-х годов, что видно по плотности упоминаний директора в тексте, занимающего максимальные позиции среди всех текстов корпуса по нескольким количественным показателям. Следует признать, что Матвеев, даже если и не вышел за жанровые границы детской литературы, создал текст в чем-то маргинальный даже для своей эпохи.